

Якуб Садовский

ВЫСОЦКИЙ — ФИГУРА ПОЛЬСКОГО МЫШЛЕНИЯ О РОССИИ?

Впечатляют случаи, когда представитель одной национальной культуры начинает играть роль в совсем другой культуре. Поэт и певец, смерть которого Россия и Польша оплакивали четверть века назад, по-польски не пел и в польских фильмах не снимался — тем не менее его образ программировал польскую культуру в невероятной степени. Нельзя, правда, сказать, что «известнейшая в мире хрипота» формирует вкусы польской публики, а тексты песен оказывают заметное влияние на тех молодых людей, которые прибегают к ним впервые (покойный Яцек Качмарский в своих воспоминаниях отмечал, что ему встречались пацаны, не понимавшие по-русски и слушавшие Высоцкого из-за «энергетики» песен). Дело, однако, в том, что Высоцкий по сей день остается в Польше фигурой не просто «знаковой». Он «оторвался» от своих песен и являет собой фигуру культа, экзальтации, фигуру поистине мифологическую. А природа мифа такова, что он оказывает влияние на образ мыслей тех, кто его исповедует.

Мистика фигуры российского поэта и певца запросто проявляется в жизни тех, кто пытается тем или иным образом им заниматься (я пытаюсь избегать слова «бард» — и поэтика текстов, и широчайшая аудитория Высоцкого свидетельствует о том, что понятие «бард» узкогато для того, чтобы описать с его помощью данный феномен*). Я, например, помню такую мистическую минуту: еду я в поезде Варшава—Белосток, и как раз на конференцию, посвященную контекстам творчества автора «Охоты». На конференции я намерен говорить о польских мифах, связанных с Высоцким. У меня на коленях краковская газета «Дзенник польский» — в качестве примера я планирую разоблачить мифологизированную статью о певце. Раздается звонок — зазвенел мой мобильник. «Здравствуйте, пан редактор, моя фамилия вам ничего не скажет — я аспирант из Кракова, слушатель ваших передач, ваш номер сообщили мне ваши коллеги с радио. Я хотел попросить у вас совета по такому-то вопросу...» Мы побеседовали, договорились о встрече. «Давайте я запишу тогда вашу фамилию», — говорю. Молодой человек наконец представляется. И я в недоумении: я услышал имя и фамилию человека, статью которого как раз читаю и разоблачаю... «А не публикуетесь ли вы в «Дзеннике польском?» — «Да...» — говорит молодой человек — теперь уже он в недоумении, что его статьи известны журналисту из Варшавы... Как тут не признать Высоцкого фигурой, обреченной на мистику, и столь же обреченными на мистику тех, кто ею занимается?

Но не будем голословны. Давайте проанализируем несколько бытующих в Польше мифов, связанных с Высоцким. Ничего, правда, разоблачать не станем — я лишь покажу на нескольких примерах мощное влияние фигуры поэта на образ мыслей пишущих о нем публицистов**.

«А может, пребывая в сильно централизованной среде, вам не хватает свободы, вы тоскуете по ней — подобно Высоцкому. Поэтому пение его песен позволяет вам забыть о стрессе на работе...» — такой вопрос интервьюер не существующей уже газеты «Штандар млодых» задал Вацлаву Калете, лауреату «Гран-При» IV Встреч (дословно — Борений) со значимой песней («IV Zmagania z Piosenką Znaczącą»). Это был 1988 год, закат Польской Народной Республики. Журналиста, скорее всего, ошарашило известие, что победитель конкурса исполнителей-любителей Высоцкого — по профессии милиционер, хуже того: офицер милиции. «Я вовсе не жалуюсь на отсутствие свободы, — отвечал Вацлав Кадета. — Моя работа совершенно обыкновенная, мне не о чем забывать, разве что об усталости».

Таким образом победитель любительского фестиваля демонтировал мифологическую схему, к которой прибег журналист. Согласно этой схеме, фамилия Высоцкого отрывалась от личности исполнителя и начинала свою собственную жизнь. Жизнь фигуры культа. Все, кто, с точки зрения журналиста, прибегал к данной схеме, кто брал в руки гитару и пел, допустим, «Я не люблю», становился «борцом с режимом», какого велит видеть данная схема в актере с Таганки. Проблема ошарашенного журналиста состояла в том, что Вацлав Кадета — «борец с режимом» явно противоречил Вацлаву Калете — милиционеру, «слуге режима». Если бы лауреат ответил: «Да, мне не хватает свободы, я тоскую по ней, как Высоцкий», — тогда он подтвердил бы миф и превратился бы (в глазах интервьюера) во «внутреннего эмигранта» в рядах милиции (столь ненавистной большинству польских поклонников Высоцкого того времени).

* Ср. Ю. Доманский. «Феномен Владимира Высоцкого в культуре русского рока // Владимир Высоцкий и русский рок.» Сб. статей. Тверь, 2001.

** Научному анализу явления посвящена моя статья: «Włodzimierz Wysocki i polskie schematy mitologizacji» // «Społeczny i kulturowy aspekt twórczości Włodzimierza Wysockiego. Materiały z II Międzynarodowej Konferencji Naukowej.» Białystok, 2004

Интервью, опубликованное 18 лет назад «Штандаром молодых», — показатель первой плоскости мифологизации фигуры Высоцкого в Польше. Плоскости, которую можно бы назвать политико-аксиологической. «Таких похорон не было даже у Сталина», — писала в 20-ю годовщину смерти поэта публицистка польского издания журнала «Ейе». «Такие толпы лишь Сталина провожали в последний путь», — писал автор статьи в «Дзеннике польском». Приведенные цитаты иллюстрируют призму восприятия смерти певца. Сопоставление имен Сталина и Высоцкого указывает на то, что имя всеобщего почитаемого творца безоговорочно вписывается в политический контекст. «Однако похороны Высоцкого не были обязательными, а присутствие столь большого числа людей не было продиктовано необоснованным фанатизмом. Людьюми правила настоящая грусть, оставшаяся в сердцах поклонников и по сей день», — писал краковский публицист. Получается, что конструкция «Сталин—Высоцкий» — это четкая двухполюсная схема. Одним полюсом остаются здесь похороны Джугашвили, где присутствие толпы — явление траура, правда, массового, но прирастающего из фанатизма. А значит, это церемония, основанная на лжи. И второй полюс — похороны Высоцкого, где толпами людей, прощающихся с любимым певцом, руководит «настоящая грусть». Получается, что синонимом схемы «Сталин—Высоцкий» становится «фальшь—правда». А значит, политическая фигура Высоцкого обретает аксиологическое измерение. К тому же на приведенную схему автоматически накладываются другие, можно сказать, родственные схемы, усугубляющие и политическое, и аксиологическое измерение мифа: «порабощение—свобода» и уже известная по интервью—Вашлавом Калетой схема «режим—бунт». Стоит еще отметить важное свойство природы мифа — то самое, которое легло в основу удивления автора интервью: «потребитель» мифа, эмоционально соединяясь со своим героем, становится рыцарем добра. Наш журналист, беря у себя дома в руки гитару или даже только слушая исполняемые Калетой песни, психологически встает на ту сторону мифологизированного мира, на которой он видит и Высоцкого: на сторону добра, правды, свободы и бунта. Признайтесь, больно, когда все это разрушается грянувшим как гром среди бела дня известием: лауреат фестиваля песен Высоцкого — милиционер!..

Кроме политической плоскости, на которой происходит мифологизация личности Высоцкого, в публикациях польской печати зарисовывается также и пласт, связанный с биографией поэта. Он порождает еще два мифа: биографический и мир варвара. Оба они во многом совпадают. Их общий элемент — канон историй и анекдотов о личной жизни актера с Таганки и, так сказать, о закулисных контекстах его творческого пути. Неотъемлемые элементы обоих мифов — сюжеты о погубившем Высоцкого алкоголизме, рассказы о его романах и браках, о вспыльчивости и склонности к дракам, наконец, о самородном таланте, не имевшем поддержки в должном образовании. Я не буду здесь описывать эти мифы подробно. Позволю себе обратить внимание читателей лишь на тот интересный момент в их специфике, где биография и «варварство» не пересекаются.

Дело в том, что польские схемы оставляют лишь один элемент — биографический миф — вне поля мифа варвара или, наоборот, лишь один «варварский» аспект вне мистики личности поэта. В первом случае это главным образом истории, подчеркивающие мистику кончины Высоцкого (в их числе, например, стрелки часов в московской квартире его матери, остановившиеся ровно в минуту смерти). О современной польской культуре, о польской культурной «программированности» лучше всего говорит, однако, то, что, не выходя на первый план в рассказах о биографии, становится элементом мифа варвара, а именно... русскость Владимира Семеновича. «Русскость», которая сама по себе в польской культуре вызывает ряд отрицательных ассоциаций. «Поэт, актер, русский» — таков один из подзаголовков статьи в «Дзеннике польском», указывающей «русскость» как категорию восприятия Высоцкого. Неловко писать об этом в «Новой Польше», но ведь одна из доминант распространенного среди поляков стереотипного взгляда на представителей русского народа — уверенность в том, что это люди, культурно и цивилизационно отсталые, или даже просто «дикари». В случае Высоцкого эта «дикость» трансформируется в решительно положительную категорию. Русский, представляющий собой фигуру бунтовщика против режима и его норм, а значит, против российского государства и общества, становится своеобразным «анти-русским», кем-то вроде диверсанта — такого же, каким в структурах пээнэровской милиции видится офицер, поющий песни «против режима».

Спустя четверть века после смерти Владимира Высоцкого в польской публицистике его миф «вечно жив». Дело вовсе не в том, что о нем пишут все кому не лень. Статьи об авторе «Я не люблю» выходят в свет не чаще, чем его песни звучат по радио. Однако можно смело сказать, что фигура певца, поэта и актера с Таганки в польском сознании — это призма образа России, ее культуры, ее истории. Миф Высоцкого, «борца с режимом», «русского анти-русского» и «варвара», заполнил в польской культуре чрезвычайно важную «психологическую нишу», став ее языком. Это ниша в мышлении о русских и России, ниша, в которой культурно заложенный страх и неприязнь заменяется восхищением и признанием за «своего». И вряд ли можно назвать во всей истории двух антагонистических славянских культур подобную личность — назвать имя актера, сумевшего *сыграть* такую роль. Как ему это удалось? Это, пожалуй, вопрос той самой невиданной «энергетики», понятной даже тем, кто не понимает по-русски...